

О.В. Чубукина

СУДЬБА КАК ФАБУЛА: ТВОРЧЕСТВО Ф. ЭМИНА В СОВРЕМЕННЫХ ОЦЕНКАХ

Творчество Федора Александровича Эмина до сих пор не было предметом монографического исследования. Краткие характеристики его произведений и жизненного пути присутствуют лишь в академических историях русской литературы: «Темпы литературной деятельности Эмина были поистине необычайны; правда, многое в его сочинениях является компиляцией. Он охотно пользовался доступными ему источниками, однако всегда подвергал заимствованное переработке. (...) Нет необходимости искать образец, которому подражает Эмин, — настолько распространенными были положения, эпизоды и коллизии, включенные в его романы «Непостоянная фортуна, или похождение Мирамонда», «Награжденное постоянство» и др.» [3, с. 258, 260]. «Новые идеи, новые художественные приемы сочетаются в романах Эмина с крайне устарелыми. Этот эклектизм наиболее резко заметен в романе «Письма Эрнеста и Доравры» (1766), который представлял подражание только что появившемуся эпистолярному роману Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761). Острую проблему социального неравенства, которую выдвинул Руссо, Эмин в своей переделке заменил внешними препятствиями, мешающими любящим соединиться, тонкий анализ любовной страсти в романе Руссо — моралистическими рассуждениями о добродетели и святости семейных уз.» [5, с. 297]

Как видим, эклектизм и компилятивность — так определяются к настоящему времени особенности поэтики Эмина, если в таком контексте уместен термин «поэтика». Между тем, немногочисленные статьи, в которых были предприняты попытки текстуального подтверждения общим оценкам, закрепившимся за именем Эмина в историко-литературном обиходе, свидетельствуют о, как минимум, неоднозначности такого подхода.

Цель данной статьи — обозначить перспективу будущего изучения творчества первого русского романиста, исходя при этом из более или менее очевидных противоречий в оценке этого творчества. Мы рассмотрим три характерных случая, когда добросовестное исследование — именно в силу своей добросовестности! — как бы теряет ориентир, с которого начиналось и который, как будто, намеревалось расширить и конкретизировать. Этим ориентиром, предметом рассмотрения в немногих статьях, посвященных действительно скрупулезному анализу текстов Эмина, является, как правило, мера и характер заимствований их источников как широко известных, так и неизвестных вовсе.

Обратимся к двум статьям, посвященным сравнительному анализу романа Ф. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры». Авторы обеих работ не ставят под сомнение зависимость Эмина от Руссо. Интересен, однако, характер «переработки» темы «Новой Элоизы», предпринятой Эминым. Выше мы привели оценку этой переработки авторами «Истории русской литературы»: по

их мнению, важную идею социального неравенства Эмин заменил «внешними препятствиями». М. Феррацци держится несколько иной точки зрения на этот счет: «У Руссо основная помеха, препятствующая соединению Юлии с Сен-Пре, состоит в классовом различии, точнее, в силе общественных условностей (напоминание об истории Абельярда и Элоизы в этом смысле особенно важно). У Эмина, наоборот, соединение Эрнеста и Доравры становится невозможным из-за появления жены молодого человека — неожиданный сюжетный поворот, предвосхищающий аналогичный прием, который будет использован впоследствии Тургеневым в «Дворянском гнезде» [7, с. 167].

Возникает вопрос: какие обстоятельства более заслуживают характеристики «внешних условий» – социальные предрассудки или семейные обязательства? С нашей точки зрения, фабульный поворот в романе Эмина не только имеет все признаки самостоятельного творческого решения, но и представляется интуитивно более свойственным будущей, только становящейся сюжетике русской литературы. В связи с этим можно вспомнить не только роман Тургенева, но даже, пожалуй, и «Евгения Онегина».

Еще одна статья, посвященная «Письмам Эрнеста и Доравры», привносит в представление об этом, между прочим, первом прозаическом сентименталистском произведении на русском языке неоднозначные, но, очевидно, выигранные для Эмина нюансы. В поисках «первоисточников», неизбежно сопутствующих анализу произведений Эмина, другой исследователь обнаружил, что «... для написания писем Эрнеста и Доравры Эмин использовал отрывки из романа Руссо, в то время как в письмах Ипполита и Пульхерии можно проследить заимствования из сборника Ле Пэи. У Руссо он черпал образцы «чистосердечного» языка, непосредственного языка сердца и страстей, у Ле Пэи он брал образцы шуточного, галантного стиля. Итак, в основе композиционной структуры романа Эмина лежит противоположность двух концепций любви с соответственными эпистолярными стилями, противоположность, которую Эмин создал с помощью двух различных источников» [8, с.175].

Таким образом, выясняется, что в своем тексте Ф. Эмин как бы вывел на очную ставку две стилистические установки, придав, тем самым, романному конфликту еще один план, уже не поддающийся обсуждению в терминах, действительно, внешних по отношению к собственно литературному содержанию проблемы. Этот случай стилистического разногласия не может не вызвать ассоциации с грядущей полифонией (М. Бахтин) романов Достоевского. Если вспомнить о чертах авантюристичности, присущих идеологическим романам Достоевского, то в таком контексте не столь эпатажно прозвучит суждение американского слависта, посвятившего Эмину большую апологетическую статью: «Романы Эмина ... иллюстрируют особого свойства парадокс истории романа в девятнадцатом веке, именно тот, что «литература идей» находит непосредственный источник в литературе приключений» [9, с. 76].

Безусловно, в данном случае речь идет лишь об отдаленных ассоциациях, однако сам факт их возможности обещает интересную перспективу дальнейшего исследования. Автор статьи об Эмине и Руссо, М. Феррацци, завершает свое исследование почти программным – с точки зрения такой перспективы – обобщением: «Нам кажется, что в своем эпистолярном романе Эмин стремился объединить в одно целое различные элементы, достигая некоторого, хотя и не очень высокого, уровня самобытности и сообщая отечественной словесности важные творческие стимулы: 1) сентиментальную чувствительность.....; 2) идеи просвещенного классицизма и масонства, нашедшие отражение в идеологической основе произведения.....; 3) автобиографические воспоминания и размышления.....; 4) ростки литературного реализма: показ героев в реальной исторической обстановке и развитие тем, тесно связанных с современными общественными проблемами» [7, с. 172].

В. Д. Рак, посвятивший обширную статью анализу вольтеровского фона в журналистике Эмина, приходит к выводу, что «... не исключена вероятность того, что собранными фактами тема «Эмин и Вольтер» не исчерпывается и что дальнейшее распутывание компилятивных образований в произведениях русского автора выявит отзвуки еще более широкого и глубокого знакомства с художественными творениями, философскими трудами и публицистикой «славного мужа», чьи дела и некоторые сочинения, как было заявлено в антикандидовском запале, «прямо его проведут во ад» (АП LX, 187) и «до тех пор будут в свете в великой славе, доколе люди, позабыв о безделицах, единственно в нужных для общества и для сохранения добродетели делах упражняться не станут» (АП GX, 191)» [6, с. 160-161. АП – «Адская почта»].

Процитированные В. Д. Раком суждения Эмина о Вольтере, как легко видеть, прямо противоречат друг другу. Очень характерно заключение, к которому приходит литературовед на основании этого наблюдения: он не уличает Эмина в непоследовательности, а предполагает в нем более глубокие пласты эрудиции.

Наконец, исторические сочинения Ф. Эмина подверглись при его жизни наиболее острой критике, отзвуки которой достигли и наших дней. Между тем, обстоятельный анализ, предпринятый Е. Б. Бешенковским, убедительно свидетельствует опять-таки в пользу Ф. Эмина: «История изучения творчества Эмина показывает, что его историографическую судьбу определила в основном критика Шлецера, развитая в дальнейшем Болховитиновым и Соловьевым. В результате сложилось общераспространенное мнение об Эмине как об историке авантюристе, который выдумывал источники и факты русской истории. ... Между тем анализ «Истории» показывает, что все «вымышленные» источники существуют» [2, с. 284].

Итак, даже достаточно беглый анализ статей, авторы которых осознанно поставили перед собой задачу сравнительного анализа произведений Ф. Эмина, имея в виду доказательное обнаружение заимствований и компиляций, были вынуждены констатировать, что, во-первых, эрудиция писателя была столь

обширна, что простое установление факта заимствования составляет для исследователя серьезную проблему. Во-вторых, ближайшим мотивом заимствования выступает у Эмина не подражание в надежде на отзвук славы и успеха, доставшихся первоисточнику, но творческая проблематизация как формы, так и содержания произведений, уже завоевавших признание публики.

Нам представляется, что осуществленные к настоящему времени исследования подготовили почву для начала серьезной работы по всестороннему изучению творческого наследия Федора Александровича Эмина.

Сверхзадачей такой работы нам видится взвешенная, объективная оценка всего, написанного Ф. Эминым, с точки зрения органичной причастности этого писателя процессам становления самобытной русской словесности. Ближайшей же целью можно считать жанрово-стилистический анализ его программных произведений. Как показывает накопленный опыт, тексты Эмина не терпят поспешного суда: кажущаяся вторичность, компилятивность в любой момент могут обернуться или тонкой игрой, или, более того, чутко уловленным противоречием, отражающим самую суть «образца подражания».

Мы выдвигаем методологическую гипотезу, согласно которой наиболее продуктивный путь осмысления самобытного творческого пути первого русского беллетриста лежит не от внешних поводов любого свойства – к их «переработке» Эминым, а – «сквозь» его произведения, от первого романа – до завершившего его мировоззренческие поиски душеспасительного трактата. Нам представляется, что в гораздо большей степени, нежели внешние образцы, творческую эволюцию Эмина определил тот напряженный диалог с собственными произведениями, который, насколько можно судить, он вел на протяжении своей короткой литературной жизни. Подтверждением этому может служить тот непреложный факт, что писатель перепробовал большинство жанров, довлевших в его время литературному сознанию эпохи. Объяснить это только коммерческой хваткой и авантюризмом вряд ли возможно. Косвенную поддержку нашей этому предположению мы находим в цитированной уже статье американского специалиста по творчеству Ф. Эмина: «Наиболее свежим и оригинальным аспектом прозы Эмина была его попытка воплотить в своих романах метод, который можно было бы назвать «литературным иллюзионизмом». Его заявление (в «Непостоянной фортуне»), что он изобразил собственную жизнь в характере Феридата и был участником многих приключений Мирамонида – наиболее авторитетное подтверждение этого утверждения» [9, с. 72].

Можно предположить, что именно эта установка на самоизображение, отношение к жизни, как к развивающемуся роману, изначально – сознательно или невольно – принятая Эминым в качестве стилевой доминанты, стимулировала и его жанровые поиски, и, в конечном итоге, мировоззренческую эволюцию. Однако детальное обоснование этого тезиса потребует серьезной аналитической работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бешенковский Е. Б. Жизнь Федора Эмина. XVIII век. Сборник 11. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Л.: Наука, 1976. – С. 186–203.
2. Бешенковский Е. Б. Историографическая судьба «Российской истории» Ф. А. Эмина / История и историки. – М.: Наука, 1972. – С. 272-288.
3. Мирский Д. С. Роман [XVIII века] // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. — London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. — С. 118-120.
4. Стенник Ю. В., Степанов В. П. Литературно-общественное движение конца 1760-х — 1780-х годов // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980-1983. - Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. — 1980. — С. 571-626.
5. Рак В. Д. Ф. А. Эмин и Вольтер. / XVIII век. Сборник 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896-1969). - СПб., "Наука", 1999. Отв. ред. Н. Д. Коочеткова – С. 151-161.
6. Феррацци М. «Письма эрнеста и Доравры» Ф. Эмина и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо: подражание или самостоятельное произведение. / XVIII век. Сборник 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896-1969). - СПб., "Наука", 1999. Отв. ред. Н. Д. Кочеткова - 162–172.
7. Фраанье М.Г. Об одном французском источнике романа Ф. Э. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» / XVIII век. Сборник 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896-1969). - СПб., "Наука", 1999. Отв. ред. Н. Д. Кочеткова – 173-176.

ESSAY

The article examines some of the traditionally accepted critical appraisals of the first Russian novelist Fedor Emin. The author offers and develops a historical and analytical perspective, from which to consider Emin's literary prose and journalistic works. Specificity of Emin's oeuvre is viewed as resulting from his unique aesthetic reflection, which cannot be reduced to either arbitrary compilation or noncritical borrowing.

Key words: sentimentalism, epistolary novel, adventure novel, borrowing, imitation, compilation.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены устоявшиеся в научной литературе оценки творческого наследия первого русского романиста Ф. А. Эмина. Намечена перспектива исследования особенностей прозы и журналистики Ф. Эмина как эффектов самобытной эстетической рефлексии, несводимой к практике некритической компиляции или механического заимствования.

Ключевые слова: сентиментализм, эпистолярный роман, авантюрный роман, заимствование, подражание, компиляция.

АНОТАЦІЯ

У статті розглянуто усталені в науковій літературі оцінки творчого доробку першого російського романиста Ф. Еміна. Намічено перспективу дослідження особливостей прози та журналістики Еміна як ефектів самобутньої естетичної рефлексії, незвідної до практики некритичної компіляції або механічного запозичення.

Ключові слова: сентименталізм, епістолярний роман, авантюрний роман, компіляція, запозичення.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати Фризманом Л.Г. д.ф.н., проф.